

ИВАН ИЛЬИН ОБ АЛЕКСЕЕ РЕМИЗОВЕ**Ю. В. Розанов**

Вологодский государственный университет, Вологда

В статье рассматривается очерк популярного ныне религиозного философа И. А. Ильина о творчестве А. М. Ремизова, включенный в его «книгу художественной критики» «О тьме и просветлении». Описывается критический метод автора, имеющий некоторые общие черты с психоанализом: Ильин формулирует вопросы, а ответы извлекает из художественных текстов Ремизова.

Ключевые слова: И. А. Ильин, А. М. Ремизов, литературная критика, психоанализ, фрейдизм.

Работа русского религиозного философа И. А. Ильина в полном виде носит название «О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин — Шмелев — Ремизов». Впервые она была напечатана в Мюнхене в типографии св. Иова Почаевского в 1959 г., когда ни автора, ни обозначенных в подзаголовке персонажей уже не было на этом свете. Книга выросла из лекционного курса «Новая русская литература», который Ильин читал в Русском научном институте в Берлине (1934). Восемь лекций были посвящены творчеству И. С. Шмелева, И. А. Бунина, Д. С. Мережковского и А. М. Ремизова. На последнем этапе работы над книгой в конце 1930-х – начале 40-х гг. Ильин консультировался с одним из ее героев — с идейно и эстетически близким ему И. С. Шмелевым, мнение которого учел при подготовке окончательного текста. Об этом свидетельствует письмо Шмелева к О. А. Бредиус-Субботиной от 15 января 1942 г.: «И. А. написал о современных писателях, выбрал 4: Бунина, Ремизова, Мережковского, меня. Дал мне прочесть. Меня — вознес очень высоко. Бунина — проанализировал умно, отметив „родовую сексуальность“. Ремизова — т-так, пощекотал. Мережковского — буквально... раздавил! — в ничто. Я ему сказал: за-чем? Убьет вас „кирпичом“ — у него тома тяжелые... И. А. решил Мережковского выпустить, т.е. выкинуть из книги» [5, с. 433–434]. Ильин, таким образом, предпочел не обострять ситуацию и не идти на конфликт со старым и больным Мережковским, поскольку в главе о нем действительно было много грубых и не слишком справедливых оценок. Критик обвинял писателя в плагиате из исторических источников, в исторической безответственности и лжи, в слабости художественного воображения, в равнодушии к внутреннему миру героев и в равнодушии к «отвратительным подробностям» и «душемутящим деталям», в садизме, мазохизме и во множестве прочих пороков. Часть книги, посвященная Мережковскому, позже была опубликована биографом Ильина Н. П. Полторацким [3, с. 177–190]. К лидерам русского символизма Ильин вообще испытывал какую-то патологическую ненависть, в которой идейные разногласия смешивались с личной неприязнью. Дочь Вяч. Иванова вспоминала: «Мы уходили из квартиры друзей, у которых провели вечер. В передней одевались шубы, ботинки, хозяева провожали. Откуда ни возьмись

появился Ильин и начал вопить что-то совершенно непонятное в сторону Вячеслава. Казалось, что у него на губах была пена, он весь извивался, как в конвульсиях. Друзья его окружили, спровадили на лестницу и куда-то увели. Никакой внешней причины для этой ненависти не было» [2, с. 63].

В цитированном письме к Бредиус-Субботиной Шмелев, говоря о подходе Ильина к Ремизову, употребляет выражение «т-так, пощекотал», словно намекает на какое-то не очень серьезное, игровое, даже интимно-игровое отношение Ильина к ремизовскому творчеству. При этом Шмелев всегда подчеркивал методологическую четкость Ильина как мыслителя. Сочетание этих качеств своего друга он охарактеризовал в письме к Бредиус-Субботиной: «В И. А. почти все, всегда — рассудочность, диалектика, схема... Он очень умен, мудр, образован страшно широко и глубоко... он пылок в мыслях, и в чувствах, остроумен, шутлив умно, даже с огромным, — не всегда со вкусом, — юморе, скорей в мальчишестве, — как, например, Владимир Соловьев...» [6, с. 78].

В культурном слое России Ильин имел устойчивую репутацию «русского гегельянца», даже «последнего гегельянца» и «самого блестящего из московских учеников Гегеля», как называл его Ремизов [8, с. 665]. В книге мемуаров «Иверень» Ремизов писал: «И когда я услышал, как говорит наш последний гегельянец Иван Александрович Ильин ... передо мной прошла вся наша „история русской культуры“, в этих воздушных сооружениях мне слышался голос Станкевича, Герцена, Бакунина, Грановского, молодых Аксаковых и Хомякова...» [9, т. 8, с. 279]. Ремизовская ассоциация вполне объяснима. Писатель справедливо считал, что русская литература глубоко и органически восприняла идеи немецкой романтической философии, прежде всего Гегеля, и в этом плане западники и славянофилы были едины. Естественно было бы предположить, что и в книге «О тьме и просветлении» Ильин стоит на гегельянских позициях. К этому склоняется, например, Е. Р. Обатнина: «Концептуальное ядро критики Ильина покоится на знаменитой триаде гегелевской философии (тезис — анти-тезис — синтез), используемой для схематического описания рождения совершенного искусства (материя — образ — предмет)» [7, с. 157]. Однако при чтении ремизовской главы книги выступают фигуры иных мыслителей, возникают ассоциации с другой знаменитой методологией. Мы имеем в виду психоанализ как в его классическом фрейдовском варианте, так и в версии К. Юнга.

Литературный критик имеет дело с художественным текстом, психоаналитик — с личностью писателя. Эти постулаты более или менее соблюдались всеми, и попытки психоанализа литературных героев обычно не приветствовались. Русский врач-психиатр Г. И. Россолимо писал, что «подвергать художественные образы точному психиатрическому разбору, ставить диагностику и рассматривать их по клеткам психиатрической классификации» совершенно бесплодная работа [10, с. 73]. Сам отец-основатель метода, в принципе поддерживая экспансию психоанализа в другие сферы гуманитарного знания, в этом случае смирялся с очевидностью. «К сожалению, — писал З. Фрейд, — перед проблемой писательского творчества психоанализ должен сложить оружие» [11,

с. 167]. Фрейд занялся «патографическими» исследованиями личностей творцов культуры (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ф. М. Достоевский). Но последователи нового метода не спешили «складывать оружие». В начале XX века «психоаналитическое литературоведение» набрало силу, им занимались и врачи-психиатры, например И. Д. Ермаков, и историки литературы, например А. Л. Бем. В обоих случаях анализу образов-персонажей литературного произведения отводилось много места.

В лучших работах этого жанра выбор литературного объекта оговаривается особо и даже представляется как некое исключение из правил. Именно так поступает и И. А. Ильин: «Творчество А. М. Ремизова является *прямым исключением* <курсив наш. — Ю.Р.>. Он сам не только не устраняет свою личность из своих созданий, как этого требует зрелое и законченное искусство, но сознательно вплетает себя в них. Прометей сам участвует в хороводе своих чад» [4, с. 280].

Клиническая практика психоанализа предполагает цикл доверительных бесед с пациентом, тактичные расспросы врача в особой расслабляющей обстановке (знаменитая кушетка) и пр. Нечто подобное предлагает Ильин: «Чтобы увидеть Ремизова-художника, существенно вступить с ним в личное общение, что мы и попытаемся сделать, соблюдая всяческую меру, почтительность и любовь» [там же]. Личное общение в прямом смысле было невозможно: Ильин до 1938 г., т. е. до момента завершения работы над книгой, жил в Берлине, а Ремизов, в 1923 г. перебравшись в Париж, уже никогда надолго не покидал его. Существовала переписка, но, как представляется, она не играла в этой истории существенной роли. Совершенно очевидно, что это не случай «психоанализа по переписке».

Психоаналитик, т. е. Ильин, как бы задает пациенту вопросы, но ответы на них он извлекает из художественных текстов исследуемого писателя. Первый вопрос, как водится, о месте рождения. Ответ представляет собой восторженный гимн Замоскворечью, который Ремизов слагал во многих своих «автобиографических» произведениях. Замоскворечье — это и «гнездо народнейшего, коренного и консервативного купеческого слоя», это и «московский говор и выговор, воспринятый и утвержденный императорским Московским Малым театром», и особая среда, где естественным образом жило «народное двоеверие» — не было религиозных сомнений, но верили и «во всю тысячелетнюю нежить и нечисть русского мифа». Здесь Ильин пока еще вскользь замечает, что Замоскворечье рождало и «всевозможных юродов» [4, с. 281]. Заметим, что перед нами не монологический ответ Ремизова в пересказе Ильина. К ремизовским константам и характеристикам локуса аналитик добавляет оценки, данные другими писателями. В сносках названы имена Островского, Достоевского, Бунина и, конечно, Шмелева. Да и сам автор вполне владеет материалом: Ильин родился в дворянской семье присяжного поверенного Московской судебной палаты в 1883 г., всего на шесть лет позже Ремизова, и жил в детстве на углу Плющихи и Ружейного переулка.

Согласно З. Фрейдю, решающую роль в судьбе людей, особенно творческого склада, играют психические травмы, полученные в детстве. Главной за-

дачей клинического психоанализа, в сущности, является обнаружение и терапия травмы. В начале 1910-х гг. Фрейд считал, что такой травмой может быть т. н. «первичная сцена» — наблюдение ребенком полового акта своих родителей и связанный с этим страх кастрации. Ильин находит в произведениях писателя упоминание о детской травме, которая даже обозначена близким по значению словом «рана». «Если ты ранен, — сам вольный воздух растравит тебе рану», — цитирует своего пациента аналитик. В результате — детское открытие, что «люди вообще существа грубые... и глупые... и лютые». Это цитата из повести «Пятая язва». Отметим, что в этом произведении Ремизова есть и более ясные указания на «первичную сцену»: «И еще вспоминаются ему ночи, просыпается он ночью от какого-то режущего сухого всхлипа и с захолонувшемся сердцем открывает глаза: мать сидит на постели, а около на стуле сидит или стоит над кроватью отец...» [9, т. 4, с. 221].

В ранних редакциях автобиографического романа «Пруд» писатель называет другую «тайну матери», связанную с психотравмой ребенка: «Как-то старший пасынок, Василий, давно ухаживающий за Варенькой <матерью героя. — Ю.Р.> посягнул...» Знаменательно, что она также имеет отношение к сфере сексуального. Позднее в автобиографической книге «Подстриженными глазами Ремизов писал об этом более расплывчато и туманно: «„Грех“ рано вошел в мою жизнь. Стараюсь припомнить и не могу восстановить свою райскую безмятежность. Рано я стал догадываться о неладах между отцом и матерью...» [9, т. 8, с. 100].

«Такие люди, — пишет Ильин, — в детстве замкнуты, „завернуты“ в свой внутренний мир (интровертированы), одиноки и фантастичны» [4, с. 282]. Описание душевного состояния Ремизова-ребенка напоминает открытый А. Адлером комплекс неполноценности, возникновение которого обусловлено неблагоприятными условиями для развития личности. В «индивидуальной психологии» Адлера комплексу неполноценности придается исключительное значение в формирование личности. Человек, наделенный таким комплексом, всю жизнь стремится преодолеть («компенсировать») свою неполноценность, реальную или мнимую, особенно активным развитием творческих возможностей и во многих случаях достигает высоких результатов.

Примерно также, даже в плане терминологии («творческая компенсация»), рассуждает о Ремизове Ильин: «Но ему необходим еще и *творческий исход*. И прежде всего как бы некая „защитная скорлупа“, в которую он мог бы творчески прятаться... <...> Необходим *ключ живых утех*, который был бы всегда с ним, в нем самом, чтобы он всегда мог вознаградить его за все те огорчения, боли и раны, которые умножаются в нем от общения с внешним миром и людьми» [4, с. 283].

В наиболее полной биографии Ильина, написанной его последователем Н. Полторацким, о психоаналитических увлечениях известного философа говорится вскользь. Однако факты свидетельствуют о другом. Е. Герцык, двоюродная сестра жены Ильина Натальи, вспоминает: «Когда... Ильины стали встре-

чать у нас Волошина, Бердяева, Вяч. Иванова, стало плоше: с неутомимым сыском Ильин ловил все слабости их, за всеми с торжеством вскрывал „сексуальные извращения“. <...> Ненависть, граничащая с психозом. <...> Знакомство с Фрейдом было для него откровением: он поехал в Вену, прошел курс лечения-бесед, и сперва казалось, что-то улегчилось, расширилось в нем. Но не отомкнуть и фрейдовскому ключу замкнутое на семь поворотов» [1, с. 240–241]. В 1910-1912 гг. Ильин стажировался в ряде европейских университетов и вполне мог посетить Вену, мировую столицу психоанализа. По одной версии, он лечился у Э. Хинчмена, одного из самых близких к Фрейду аналитиков, по другой, несколько позже, — у самого Фрейда [12, с. 64]. Возможно, что имели место оба факта [13, с. 719]. В 1921 г. Ильина избирают председателем Московского психологического общества, члены которого интересовались фрейдизмом в различных его аспектах. Правда, этот пост он занимал недолго: уже осенью следующего года Ильин был выслан из Советской России на печально знаменитом «философском пароходе». Ничто, как известно, не проходит бесследно, и давнее и весьма специфическое увлечение Ильина психоанализом неожиданным образом отразилось в его литературоведческом исследовании творчества Алексея Ремизова.

Список литературы

1. Герцык Е. Лики и образы. М.: Молодая гвардия, 2007. 860 с.
2. Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК «Культура», 1992. 432 с.
3. Ильин И. А. Мережковский-художник // Русская литература в эмиграции. Питтсбург: Питтсбургский университет, 1972. С. 177-190.
4. Ильин И. А. Собрание сочинений. М.: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 1. 560 с.
5. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах. Т. 1. 1939–1942. М.: РОССПЭН, 2003. 760 с.
6. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах. Т. 2. 1942–1950. М.: РОССПЭН, 2005. 856 с.
7. Обатнина Е. Р. Алексей Ремизов: личность и творческие практики писателя. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 296 с.
8. Ремизов А. М. В розовом блеске. Автобиографическое повествование: роман. М.: Современник, 1990. 749 с.
9. Ремизов А. М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Русская книга, 2000–2003. Т. 4. 2001. 560 с.; Т. 8. 2000. 704 с.
10. Россолимо Г. И. Искусство, больные нервы и воспитание // Русская мысль. 1901. № 2, отдел 2. С. 56–89.
11. Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Вопросы литературы. 1990. № 8. С. 167–181.
12. Эткин А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. 376 с.
13. Юнгрен М. Неизвестное прошлое Ивана Ильина // От Кибирова до Пушкина: сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 718–719.

Об авторе

РОЗАНОВ Юрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного университета; e-mail: rosanov007@gmail.com